

УДК 81'22

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АТТРАКТОР: Б. Л. ПАСТЕРНАК И МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Е. И. Куган
А. П. Седых

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru

Статья посвящена корреляциям языковой личности писателя и национальной культуры. Идиостиль писателя и национальная культура рассматриваются как определённый тип лингвокультурной идентификации, функционирующий в рамках аттрактивных способов интракультурного взаимодействия. Универсальные и национально-культурные способы вербализации авторских реалий соотносятся с определённым типом категоризации действительности. Перспективы исследования способов вербализации языковых личностей видятся в рамках когнитивно-коммуникативных методик выявления синестезических параметров языкового сознания.

Ключевые слова: языковая личность, художественный текст, лингвокультурный аттрактор, когнитивная метафора, семиотика когниции и коммуникации.

Введение

Литература любого этнокультурного сообщества является, прежде всего, национальной литературой, а затем, при наличии известных качеств художественного произведения и социально-исторических условий, – универсальной. Так, Марсель Пруст в первую очередь французский писатель, а Борис Пастернак – русский. При этом, и тот, и другой принадлежат всемирной литературе именно потому, что они добились признания как великие национальные писатели.

Начиная с XVIII – XIX вв., периода, когда в основном завершается оформление структуры национальных государств в Европе, литературная продукция становится массовой, иными словами, демократические преобразования дают возможность доступа к литературным произведениям большинству населения национальных государств, а не только узкому кругу высшего общества. При этом демократические институты способствуют рождению жанра романа в современном понимании термина. Именно творчество писателей-романистов обладает харизматической силой воздействия на матрицы коллективного сознания.

С точки зрения идеологической структуры демократически организованного национального государства, каждый гражданин является носителем национального самосознания, национального духа, закреплённого в художественных произведениях, в артефактах культуры. Следовательно, культурный суверенитет нации реализуется в каждом гражданине как личности, генерируемой национальной культурой.

Национальная литература неразрывно связана с тем состоянием общества и языка, в котором она родилась. Язык выступает посредником для выражения своего культурного суверенитета и литература, написанная на национальном языке, является достоянием, своеобразной «денежной» языковой единицей государства. Читатель как гражданин страны ощущает свою причастность к национальной литературе и через неё причастность к мировому лингвокультурному наследию.

Одним из «проводников» в мировую языковую культуру является языковая личность национального писателя. К сожалению, в последние десятилетия таким проводником становится Интернет. Думается, пришло время сказать о кризисе языкового мышления и языковой практики (речь идёт в первую очередь об общеевропейских коммуникативных тенденциях к агрессивной языковой некомпетентности) и необходимости общекультурной реабилитации языковой личности писателя. Классическая литература, в частности российская и французская, обладает достаточным арсеналом писательских индивидуальностей, объединяющих «энергетические» центры для формирования высоких лингвокультурных образцов мировосприятия.

Теория и методология исследования

В этом смысле, языковую личность ведущего национального писателя следует рассматривать как лингвокультурный аттрактор. Данное понятие соотносится с понятием ар-

хетипа, но имеет в большей степени идеокультурную трактовку. Речь идет о ключевых семиотических узлах культуры, которые располагаются на концептуальных осях, формирующих специфическую для национального языка амплитуду семантических колебаний и направляющих выбор адекватных для каждой культуры языковых средств. Семиотическим узлом национальной культуры выступает значимый для нации мастер слова.

С точки зрения психологии восприятия, можно говорить об определенном направлении перцептивных процессов, индуцируемых коллективным бессознательным под влиянием лингвокультурного аттрактора и увеличением вероятности повторяющихся «тем» и «персонажей» в языковом поведении представителей определенного этнокультурного сообщества. Иными словами, лингвокультурный аттрактор, рассматривается как перцептивный образ, ядро, притягивающее множество элементов обширной ассоциативной сети носителя языка. Параметрами порядка, ментальными опорами, организующими разнородные ассоциативные элементы [1], выступают «запоминающиеся» персонажи литературных произведений, которые изначально являются когнитивной ипостасью языковой личности автора произведения.

Рассмотрим элементы манифестации персониферы авторского мира Б. Л. Пастернака и М. Пруста, которые могут выступать в качестве идентифицирующих аттракторов национальных лингвокультур. В художественном пространстве произведений российского автора таким типажом выступает Живаго, а во французском романе – синтезированный персонаж Марсель-Сван. Сущностные черты обоих героев можно рассмотреть в рамках трёх ипостасей их существования в семиотическом пространстве национальной литературы и лингвокультуры:

1. Оба персонажа являются носителями идиолектной языковой культуры создавших их авторов и могут трактоваться как интегративные элементы структуры языковых личностей Б. Л. Пастернака и М. Пруста.

Доктор Живаго: «С гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать. Но для такой книги он был еще слишком молод, и вот он отделялся вместо нее писанием стихов, как писал бы живописец всю жизнь этюды к большой задуманной картине» [4]. В этих словах главного персонажа отражается автобиографический замысел Пастернака и написании главного романа своей жизни.

О поисках стилистики писательского мастерства: «Всю жизнь мечтал он **об оригинальности** сглаженной и приглушенной, внешне неузнаваемой и скрытой под покровом общеупотребительной и **привычной формы**, всю жизнь стремился к выработке того сдержанного, непритязательного слога, при котором читатель и слушатель овладевают содержанием, сами не замечая, каким способом они его усваивают. Всю жизнь он заботился **о незаметном стиле**, не привлекающем ничего внимания, и приходил в ужас от того, как он еще далек от этого идеала» [4]. В данном отрывке также просматривается автобиографический след, так как известно, что Б. Л. Пастернак всегда очень тщательно работал над стилем своих произведений.

Марсель-Сван: «Нет, быть может, дней в нашем детстве, прожитых с такой полнотой, как те, когда мы словно бы и не жили, – это дни, проведённые с **любимой книгой**»; «Сейчас я ничего уже больше не чувствую, **мгновение остановилось**, – быть может, вновь опустилось на глубину; кто знает, вынырнет ли оно когда-нибудь из мрака? Много раз я начинал сызнова, я наклонялся над ним. И всякий раз малодушие, отвлекающее нас от трудного дела, от всякого значительного начинания, советовало мне бросить это занятие, советовало пить чай, не думая ни о чем, кроме моих сегодняшних огорчений и планов на завтра – **ведь эту жвачку можно пережевывать без конца**»; «Исключить из наших **наслаждений воображение** – значит свести их на нет»; «Для писателя, как и для художника, **стиль** является вопросом **видения**, а не техники» [5].

Анализ ключевых номинаций и лексем в высказываниях свидетельствует о том, что во многом они формируют идиолектные параметры художественного дискурса. Благодаря коннотативному макрокомпоненту лексика не только является ярким выразительным средством авторского языка, но и, функционируя в высказывании, отражает идеологические компоненты структуры личности писателя. К ним можно отнести приоритет чувственного начала и ведущая роль лингвистического импрессионизма;

2. Дискурс персонажей доктора Живаго и Марселя-Свана обладает адекватными для каждой национальной культуры когнитивно-коммуникативными характеристиками:

Доктор Живаго: «...со всей **России** сорвало крышу, и мы со всем **народом** очутились под открытым небом»; «...у него было **дворянское чувство равенства** со всем живущим. Он ... умел выражать мысли в той форме, в какой они приходят в голову в первую минуту, пока они живы и не обесмыслятся»; «Вдруг Юра подумал, что Блок это явление **Рождества** во всех областях **русской жизни**. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать **русское поклонение волхов**, как у голландцев, с **морозом, волками и темным еловым лесом**; «**Страсть по-славянски**, как вы прекрасно знаете, значит прежде всего страдание, страсти Господни, “грядый Господь к вольной страсти”» [4].

В вышеприведённых высказываниях языковые и лексические единицы *Россия, народ, чувство равенства, Рождество, русская жизнь, по-славянски* актуализируют интегральную сему «русскость». Для российского менталитета данные словосочетания обладают широким коннотационным потенциалом и традиционно входят в привычный обиход. Коннотативный фон представляется насыщенным идеями и концептами православного мира: «страсть», «вера», «славянский мир».

Марсель-Сван:

«Если бы **француз** совершил кражу или убийство, мне бы и в голову не пришло из-за того, что он **француз**, как и я, считать его невиновным, но евреи никогда не признают, что кто-то из их рода предатель, и даже, если будут знать это наверняка, приложат все усилия, чтобы покрыть его, мало беспокоясь об ужасных последствиях»; «Пропаганда – бессмысленное понятие. Объяви **французам**, что завтра **Франция** будет разбита, и ни одного из них не охватит то же отчаяние, как при известии, что сейчас его убьёт «берта» [немецкая пушка]. Подлинную пропаганду мы осуществляем сами, с помощью надежды, и это – форма **инстинкта самосохранения нации**, если речь идет о ее частичке. Чтобы слепо поддерживать несправедливое дело **индивида-Германии**, или – чтобы не терять веры в правоту **индивида-Франции, немцам** во все не обязательно было лишаться рассудка, а **французам** – рассудком обладать: достаточно было стать **патриотом**» [5].

В данных высказываниях реализуется ядерная сема «французский патриотизм». Коннотативный макрокомпонент формируется на основе исторического восприятия писателем менталитетных черт французов, которые не всегда осуществляли жертвенные поступки ради своей родины. Представляет особый интерес противопоставление признаков немецкого и французского патриотизма в рамках функционирования авторских неологизмов: *индивид-Германия* и *индивид-Франция*. Образная насыщенность повествования достигается при помощи метафоро-метонимического принципа описания, и, как следствие, смысловые выводы в высшей степени контекстуализируются. Художественные образы, будучи продуктом внутренней эволюции собственного ряда, находят себе адекватное воплощение в ассоциативном пространстве авторского текста;

3. Рассматриваемые литературные герои Б. Л. Пастернака и М. Пруста являются носителями универсальных черт общечеловеческого типа:

Доктор Живаго: «О, как хочется иногда из бездарно-возвышенного, беспросветного **человеческого** словоговорения в кажущееся безмолвие природы, в каторжное беззвучие долгого, упорного труда, в бессловесность крепкого сна, **истинной музыки** и немеющего от полноты души тихого **сердечного прикосновения!**»; «Мне невероятно, до страсти хочется жить, а жить ведь значит всегда порываться вперед, **к высшему, к совершенству** и достигать его»; «Так ли хорошо ты всю себя знаешь? **Человеческая**, в особенности женская **природа** так темна и противоречива! Каким-то уголком своего отвержения ты, может быть, в большем подчинении у него, чем у кого бы то ни было другого, кого ты любишь **по доброй воле, без принуждения**» [4].

Вышеприведённые высказывания содержат ряд словосочетаний (*истинная музыка, сердечное прикосновение, достигать высшего совершенства, человеческая природа*), которые объединены ключевой семой «человечность». Языковой материал отражает ключевую позицию, воплощающую в себе приверженность к общечеловеческим ценностям, стремление прямо и настойчиво (*по доброй воле, без принуждения*) двигаться к достижению совершенства. Коннотационный фон формирует понятийное поле «человеческая природа», которая может обеспечить успех в обретении истинного состояния своего «Я».

Марсель-Сван: «Как *мыслящее существо* может не понимать, что, посмеиваясь над *человеком*, который искренне к нему расположен, оно скатывается в болото, откуда его никакими силами не вытащишь?»; «*Люди в большинстве своём* до того нам безразличны, что когда мы наделяем кого-нибудь из них способностью огорчать и радовать нас, то это *существо* представляется нам вышедшим из другого мира, *мы поэтизируем его*, оно преобразует нашу жизнь в захватывающий дух простор, где оно оказывается на более или менее близком от нас расстоянии»; «Для того чтобы мы *полюбили женщину*, иногда достаточно бывает ее *презрительного взгляда*, обращенного на нас, достаточно *подумать*, что она никогда *не будет принадлежать нам*» [5].

Как видим, словосочетания приведённых высказываний *мыслящий человек, существо, люди в большинстве своём, поэтизирование человека* отражают универсальные ценности человечества, основывающиеся на ключевой семе «идеализация». Коннотационная составляющая приведённых высказываний обогащается благодаря контексту и понятийному полю, связанному с интегративной идеей «единение людей». Прагматический компонент приведённых высказываний базируется на двух органически взаимосвязанных категориях: «человек» – «любовь», которые являются носителями важнейших смыслов новейшей истории человечества.

Заключение

Все уровни языковой и дискурсивной организации художественного текста обладают семиотическим потенциалом для моделирования черт языковой личности писателя. Изучение аттрактивных литературных произведений позволяет говорить о важной роли художественной перцепции, в составе которой функционирует базовый этнокультурный вектор. Герои произведений Б. Л. Пастернака и М. Пруста обладают «привлекательностью», благодаря многоуровневости когнитивно-коммуникативных моделей их личностей.

Подобная синергетичность персонажей рассматриваемых произведений (идиостильность, этнокультурность, универсальность) выводит их на уровень общемирового масштаба. Вместе с тем Б. Л. Пастернак и М. Пруст остаются сугубо национальными писателями, притягивающими к своим романам всё новых и новых почитателей из представителей не только своих, но и иных культур.

Таким образом, персонификация художественных произведений входит в состав прецедентных феноменов, как национальных, так и общечеловеческих категорий. Ключевые персонажи рассматриваются в качестве единиц ядра ментального лексикона нации, которые могут быть выявлены не только в результате дискурсивного анализа текста художественного произведения, но и на основе описания формальных лингвистических характеристик речи персонажей.

Список литературы

1. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного / Г. Николис, И. Пригожин. – М.: Мир, 1990. – 344 с.
2. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Собр. соч. В 5-ти т / Б.Л. Пастернак. – М., 1990. – Т. 3. – 734 с.
3. Пруст М. Полное собрание сочинений в четырёх томах / М. Пруст. – Л.: Кооперативное издательство «Время», 1934. – 2328 с.
4. Цитаты и афоризмы. Борис Пастернак. Доктор Живаго [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://city.info/book/boris-pasternak-doktor-zhivago>.
5. Цитаты и афоризмы. Марсель Пруст. По направлению к Свану [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://city.info/book/marsel-prust-po-napravleniyu-k-svanu>.

LANGUAGE WRITER'S PERSONALITY AS LINGUISTIC AND CULTURAL ATTRACTOR: B. L. PASTERNAK AND MARCEL PROUST

E. I. Kugan
A. P. Sedykh

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper deals with the problem of to the correlations of language writer's personality in line with national culture. Idiostyle and national culture are seen as a certain type of linguistic-cultural identification, functioning within the framework of attractive ways of intracultural interaction. Universal, national and cultural ways of writer's realities verbalization relate to a specific type of categorization. Prospects for research of writer's personalities are seen as part of cognitive-communication techniques to identify synesthetic parameters of linguistic identity.

Keywords: linguistic identity, artistic text, linguistic and cultural attractor, cognitive metaphor, semiotics, cognition and communication.